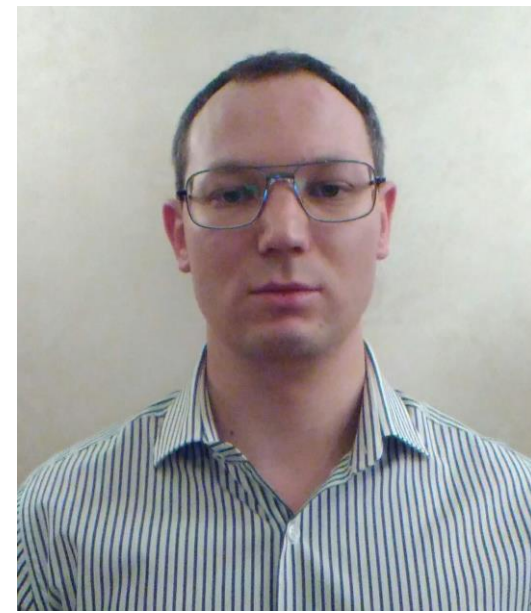

УДК 327:316.75

DOI 10.24411/2227-9490-2018-11023

Макаршин И.А.

Идеологические аспекты геочивилизационной безопасности

Макаршин Иван Анатольевич, магистр политических наук, Центр языка и культуры португалоговорящих стран, Москва

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9981-2129>

E-mail: ivan-a-makarshin@j-spacetime.com; druzendos@yandex.ru

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам исследования проблем идеологии и геочивилизационной безопасности. Представлен краткий обзор сложившихся в этой сфере подходов, предпринята попытка на базе междисциплинарного геочивилизационного подхода интегративного синтеза теорий международных отношений и геополитики применительно к изучению идеологических аспектов геочивилизационной безопасности.

Ключевые слова: геочивилизация; идеология; геочивилизационный подход; геочивилизационная безопасность; теории международных отношений; позитивизм; постпозитивизм.

Геочивилизационный подход к исследованию проблем безопасности и развития.

Теоретические и терминологические аспекты

Многофакторность сферы безопасности и растущее взаимовлияние их в современном мире обуславливают необходимость рассмотрения совокупного феномена безопасности в единстве её различных частей и элементов, позволяющего учитывать их взаимное влияние. Несмотря на то, что исследование отдельных аспектов и проблем безопасности хотя и отвечает требованиям прагматизма, но упускает из виду глубинные мотивы, долгосрочные, преемственные тенденции развития разнообразных объектов безопасности, их культурно-исторического фундамента.

В качестве комплексного подхода к исследованию проблем безопасности можно считать междисциплинарный **геочивилизационный подход**, позволяющий учитывать социокультурные факторы развития систем, лежащие в основе эффективного обеспечения безопасности, а также изучать безопасность в комплексе всего структурного многообразия её видов на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Глобализационные процессы способствовали развитию социально-политических общностей, интенсификации их взаимодействия и взаимовлияния, образуя таким образом единую и целостную систему геочивилизации. Содержание данного понятия в рамках одноимённого подхода определяется «единство в многообразии всех социально-политических общностей планеты Земля, соединённых политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями» [Ходаковский 2002, с. 82].

О.Г. Леонова конкретизирует это понятие:

«Геочивилизация предстаёт как одна или несколько локальных цивилизаций, объединяемых одной цивилизационной матрицей, имеющих схожие по своему содержанию и вектору развития цивилизационные алгоритмы, социокультурные коды, идеалы и ценности» [Глобальная геополитика 2010, с. 174].

Н.А. Комлева даёт следующее определение:

«...геочивилизация — это совокупность социумов, имеющих общие географические параметры формирования и функционирования, единую в своих основных характеристиках экономическую и политическую систему, а также общие базовые ментальные ценности» [Комлева 2016, с. 19] (см. также [Комлева 2015], где этот термин используется в том же значении, хотя и без определения)

Как правило, при рассмотрении геочивилизации как категории и конкретных геочивилизаций используется аналитико-синтетический подход, при котором геочивилизация предстает и как целое (синтетическое понимание), и как часть целого (аналитическое понимание). Синтетическое понимание геочивилизации имеет высокую теоретическую ценность, хотя на практике выявляется весьма сложно. Недостаток этого подхода заключается и в невозможности постижения явления как целого рациональными средствами ввиду частной позиции исследователя, его субъективности, априорной принадлежности его к определённой (конкретной) культурной среде. Геочивилизация как цельное явление обладает общими характеристиками и универсальной природой, но практическое «очищение» этого феномена от «примесей» различных культур остаётся труднодостижимым.

Аналитическая операция предполагает восприятие геочивилизации как частного и индивидуального явления. Главный недостаток и опасность этого подхода состоит в претензии частной геочивилизации на всеобщую и универсальную интерпретацию («часть больше целого», Э. Морен [Морен 2005]). Любое исследование такой геочивилизации имплицитно направлено на достижение такой универсальности, утверждая «индивидуальный» образ и идеал в качестве абсолютного. Без понимания

геоцивилизации как цельного явления этот процесс угрожает подменой научно-аналитического подхода апологией и утратой понимания сущности природы геоцивилизации в свете многочисленных постоянно меняющихся индивидуальных особенностей. Тем не менее, аналитический подход имеет тем большее практическое значение, что частные геоцивилизации формируют геополитическую реальность (геополитическое пространство) и выступают в качестве геополитических акторов.

С учетом сказанного геоцивилизацию представляется целесообразным изучать как метасистему в единстве всех социально-политических общностей, а не как простую сумму социумов её образующих (как часто — и некорректно — понимается термин «совокупность»; заметим здесь, однако, что понятие «единство» не тождественно понятию «совокупность» и предполагает наличие более сложных взаимосвязей и взаимозависимостей между своими составными частями, чем последнее). **Таким образом, можно определить геоцивилизацию как метасистему, объединяющую социально-политические общности и обладающую общими духовными и материальными ценностями, позволяющими им развиваться и синтезировать культурное пространство на геополитической карте мира.**

Базовыми элементами и подсистемами этой метасистемы служат различные частные геоцивилизации, проявляющиеся на глобальном, региональном и локальном уровнях. К ним можно отнести наряду с иными социальными общностями государства-цивилизации, империи-цивилизации и формирующиеся в настоящее время цивилизации-регионы. Согласно Е.А. Ходаковскому, «государство-цивилизация — объединенная общими идеями и целями развития локальная социально-политическая общность, созидаящая единую духовную и материальную культуру в границах определенного государственного образования» [Ходаковский 2016]. Цивилизации-регионы — сообщества регионального уровня, сформированные на основе развития традиций империй-цивилизаций под воздействием региональных интеграционных процессов.

Можно выделить ряд общих параметров и характеристик, определяющих содержание концепта «геоцивилизация»:

1. Географическое положение — исходный фактор формирования цивилизаций, составляющий её геополитический потенциал и включающий в себя такие компоненты, как размер территории, объём и номенклатура природных ресурсов, численность и демографический состав населения, промышленность, военный потенциал и национальный характер. Совокупность этих показателей определяет не только «национальную мощь государства» [Morgenthau 1967, pp. 106–144], но и геоцивилизации. Влияние географического фактора прослеживается как на национальный характер, так и на политику, оказывая существенное влияние на формирование идеологии государства и геоцивилизации.

2. Религия. Современная эпоха отмечена отходом от расколдованного и секуляризованного мира к «реваншу бога» [Хантингтон 2003] и критике рационализма. Возрождение религиозных учений направлено также на «реанимирование» старых и поиск новых идеологических систем, способных выразить социально-политический идеал в современной геополитической реальности. Наиболее ярким примером данного процесса является реисламизация мира и усиление роли исламской геоцивилизации в глобальном измерении — вплоть до возможной смены доминирующей геоцивилизации [Комлева 2017].

3. Лингвистическая общность. «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1994, с. 56] — язык определяет границы и социокультурной общности, становясь первостепенным фактором создания государственности и формирования национальной и геоцивилизационной идентичности. «Язык следует понимать как один из способов существования народа. Соответственно, его изучение с неизбежностью выходит за пределы филологического и лингвистического знания, с одной стороны, и становится одним из элементов политической сферы уже хотя бы потому, что как значимый способ существования народа, имеющего право на суверенитет и защиту» [Лингвополитика... 2014].

4. Культура и система ценностей. Аксиологический аспект. Для современных исследований в области политической теории и международной политики особое значение приобретают политические ценности и идеологии, порождённые особенностями политической культуры, которые определяют единую социально-политическую структуру той или иной геоцивилизации.

5. Психологический аспект. Помимо рациональных концепций в системе геоцивилизаций действуют социально-психологические механизмы, архетипы бессознательного и психологические установки различных социальных и этносоциальных групп. Данные механизмы, архетипы и установки в значительной мере формируют идентичность определённой геоцивилизации, определяют способы реализации экзистенциальных потребностей, интересы и целеполагание [Сухарев 2010].

6. Информационно-идеологическая система геоцивилизации, включающая в себя идеи, концепции, идеологии социальных групп, объединённых ею. При этом идеология в масштабе геоцивилизации выражает перспективные цели и мотивы социально-политических обществ, направленные на достижение их интересов и удовлетворение экзистенциальных потребностей. Не всегда она может быть официально артикулирована правящими элитами, но всегда существует в «автономном режиме» в общественном сознании и реализуется посредством дискурса.

Очевидно, что геоцивилизации обладают также экономическими, коммуникационными, этническими и другими параметрами, но они скорее относятся к «производным» факторам в отличие от вышеперечисленных базовых характеристик.

В современных условиях проблемы и угрозы безопасности уже более не детерминированы исключительно национальными границами. В условиях глобализации риски безопасности в своей основе определяются отношениями социополитических акторов мировой политики. Многообразие участников, а также многоуровневость взаимодействия в сфере международных отношений формируют новый мировой порядок, основной чертой которого является складывающаяся в мировой политике «разъединенная, взаимоисключающая фиксированные государственные территориальные образования, новая территориальность» [John Ruggie Web, n.d.].

При этом, с одной стороны, главным референтом безопасности формально остаётся государство, с другой стороны, разворачивающиеся глобальные процессы, еще недавно мыслившиеся как «размытие государственных границ», оказались «размыванием» скорее соответствующих теорий и парадигм (а, возможно, и собственно научного аппарата геополитики), что потребовало осмысления этих процессов с новых теоретических позиций, выходящих за рамки государство-центричного подхода.

Государство в контексте геоцивилизационного подхода является частью цивилизации, одним из её уровней. Процесс исследования роли геоцивилизаций в качестве новых акторов международных отношений в свою очередь подрывает теоретические основы Вестфальской международной системы, ставя под сомнение государственный суверенитет в пользу наднациональной идентичности, но не уничтожает их, а требует большей ответственности от «центральных» государств-лидеров (государств-цивилизаций и цивилизаций-регионов) по вопросам региональной и глобальной безопасности.

Исходя из указанных предпосылок в рамках использования гецивилизационного подхода к исследованию проблем безопасности употребляется понятие **гецивилизационной безопасности**, определяемое как **«свойство разнородных объектов общественного бытия сохранять своё существование, качественную специфику и продолжать жизнедеятельность за счёт выполнения своего назначения в системе гецивилизации»** [Ходаковский 2007, с. 46].

Гецивилизационную безопасность целесообразно рассматривать в контексте развития, несмотря на доминирующий «защитный» подход к исследованию безопасности в России, которая стала основной характеристикой предыдущего этапа формирования отечественной парадигмы национальной безопасности, оставшейся в наследство от советской эпохи. Таким образом, понимание и решение теоретических и практических вопросов обеспечения безопасности ориентировалось на «окопную логику» постановки данной проблемы.

Проблема защищенности от деструктивных факторов нацеливает на изучение системы государственно-политических мер, направленных, в первую очередь, на защиту основных объектов жизнедеятельности — необходимая, но недостаточная задача обеспечения безопасности. Мало защищать, важнее не допустить формирование условий, которые привели бы бытие к состоянию, требующему его защиты. Другими словами, задача безопасности заключается, прежде всего, в формировании условий, обеспечивающих стабильное развитие социальной системы. На это в конце XX в. обратили внимание в своих исследованиях норвежский социолог Й. Галтунг [Galtung 1969, 1975] и российский политолог-международник Н.А. Косолапов [Косолапов 1992].

Представляется, что в современных условиях требуется исходить в первую очередь не из состояния защищенности в понимании безопасности, а конструировать условия для устойчивого развития общества и наиболее полного раскрытия творческих способностей человека (человеческого потенциала). Реализация творческого потенциала гецивилизации также является неотъемлемым условием его развития и безопасности.

При этом если в парадигме «защищенности» раскрытие последних весьма затруднительно — и человеческий, и гецивилизационный потенциал в этом режиме «резервируются», но не раскрываются, — то по аналогии с пониманием «свободы» в творчестве Э. Фромма [Фромм 1990] понятие безопасности как одной из экзистенциальной потребностей социума можно интерпретировать не только как отсутствие опасности, не только как «безопасность от», но и как «безопасность для» развития, самоидентификации гецивилизации и раскрытия её творческого потенциала в противовес деструктивным тенденциям. В связи с этим **гецивилизационную безопасность можно определить как свойство социально-политических общностей развивать свои качественные характеристики, необходимые для их идентификации путём реализации своего творческого потенциала в системе гецивилизации.**

Гецивилизационная безопасность в контексте развития современных теорий международных отношений

Современные теории международных отношений (ТМО), часто именуемые постпозитивистскими, критикуют традиционные концепции безопасности и предлагают новые подходы к исследованию этой проблемы.

Постпозитивизм в ТМО в противовес позитивизму [Современные теории... 2013] развивает идеи об ограниченности рационального подхода, упускающего от внимания зависимость международных отношений от идеологических и культурно-цивилизационных оснований принимающего решения и действующего субъекта. Для постпозитивистских ТМО характерно понимание безопасности как результата дискурса или речевой практики. Воспроизведение и отражение в устных и письменных текстах восприятия проблем безопасности авторитетным экспертным и политическим сообществом становится объективным фактом социальной действительности [Васкес 2002]. В этом направлении была разработана теория секьюритизации, согласно которой проблемы безопасности рассматриваются как социально сконструированные, а точнее — экспертами и политиками, разрабатывающие проблематику и поддерживающими дискурс о безопасности [Buzan et al. 1998]. Так, мы довольно часто можем наблюдать на практике подобные механизмы формирования угроз в общественном сознании для инициирования внешнеполитических действий в интересах правящих элит. Отнесём сюда общеизвестные: раздувание темы угрозы международного терроризма после 11 сентября 2001 г. и наличия оружия массового поражения у С. Хусейна и Б. Асада, демонизация сначала Советского Союза, а затем России перед мировым и локальными западными сообществами, включая нынешнее активное использование этих методик правительствами Украины, Прибалтики и других стран геополитической периферии, стремящимися заручиться протекцией ЕС и США и обеспечить финансовые потоки оттуда. Угрозообазующие факторы не ограничиваются формированием дискурса в военной области, а также связаны с экологическими, гуманитарными, религиозными и другими мировыми проблемами.

Редакционная статья в New York Times 21 нояб. 2001 г. о связи устроителей теракта 11 сентября с Саддамом Хусейном. Фото с сайта http://www.historycommons.org/timeline.jsp?startpos=200&timeline=complete_911_timeline&timeperiod=11:55pm%2011%20sept%202001%20-%202001

Советник президента США по вопросам национальной безопасности и стратегическим коммуникациям Бен Родс на портале BBC 14 июня 2013 г. о химоружии в Сирии: «Белый дом пришел к выводу, что силы президента Сирии Башара Асада применяли химическое оружие в малых масштабах». С сайта <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-22902300>

Портал BALTNEWS.lt, 5 июня 2017 г.: перед началом государственного визита в Эстонию «Президент Литвы Даля Грибаускайте назвала главной угрозой для стран Балтии и Польши "существование России и Беларуси на востоке"». С сайта http://baltnews.lt/vilnius_news/20170605/1017216565.html

МАКАРШИН И.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Постмодернисты в МО полагают, что государство само является угрозой для граждан, поэтому для достижения всеобщей безопасности необходима полная деградация этого института. Главным референтом безопасности в таком случае выступает личность и общественная группа. Постмодернизм отрицает объективную реальность, вернее, полагает единственной такой реальностью реальность текста, который порождает дискурс о безопасности, а вместе с ним и угрозы [Devetak 2005].

Феминизм в МО рассматривает проблемы безопасности в рамках существующего гендерного неравенства и гендерного насилия. Существующие угрозы безопасности происходят из агрессивности мужского начала, стремление к подавлению и подчинению, создание патриархальных систем, воинственность, преобладающие во властном дискурсе [Clough 1994].

Критическая теория в ТМО сохраняет неомарксистский подход, развивая идеи А. Грамши, но пересматривают отношение к надстройке, придавая ей большое значение. Представители критической теории рассматривают безопасность как гегемонистский конструкт, продукт капиталистической системы и буржуазного строя, сформированный и укрепляемый интеллектуалами в области культуры, образования, СМИ, идеологии. В качестве противопоставления предлагается сформировать «контргегемонистский блок» и вести «позиционную войну» в идейной области — в научной и экспертной среде, СМИ, образовании и культуре, — для разоблачения идеологической сущности существующей гегемонии [Cox 1973].

Историческая социология предлагает изучать проблемы безопасности с использованием историко-социологического подхода, как плюральное явление, формирующееся в ходе исторического процесса в зависимости от определённого общества со своей культурой [Hobden, Hobson 2002].

В международно-политической науке конструктивисты (А. Вендт, Н. Онуф, М. Финемор, П. Катценстайн и др.) особое значение придают нормам и ценностям, верованиям и убеждениям, т.е. интерсубъективным и институализированным идеям — всё, что составляет идеологическое основание поведения акторов и их мотивов в международной системе. Ими также критикуется методология анализа международных систем и реалистов, и неолибералов (за преувеличение значения государства как агента международной системы), и неомарксистов (за детерминацию действий агентов структурами экономической системы). Конструктивистский подход предполагает учёт взаимного влияния агентов и структур [Теория международных отношений 2015].

Конструктивисты исходят из понимания безопасности как идеационного феномена¹, конструированного в ходе взаимодействия

¹ Идеация (альтернативные термины: эйдетическая интуиция, категориальное созерцание, созерцание сущности) — понятие феноменологии Э. Гуссерля, означающее непосредственное усмотрение, созерцание сущности. В рамках либеральной парадигмы теории международных отношений в качестве одного из теоретических подходов сложился идеационный либерализм (ideational liberalism), рассматривающий общественные группы и их предпочтения в качестве одного из ключевых факторов, влияющих на внешнюю политику государства. Соответственно, идеационное понимание безопасности основывается именно на таком понимании политических (геополитических) акторов и их взаимодействия.

политических акторов по законам социального ролевого поведения. При этом ролевое поведение в социальной психологии индивида (политического актора в международной среде) определяется не только материальными факторами, а культурно-цивилизационной принадлежностью.

Позиция конструктивистов имеет историю в теории познания, типичной еще для науки Нового времени, что роднит их с такими предшественниками, как Вико, Кант, Гегель, Гуссерль и немецкую гносеологию в целом. Социальный конструктивизм, сформировавшийся на основе воззрений Ж. Пиаже, Дж. Келли, Н. Лумана, П. Бурдьё, Л.С. Выготского, прежде всего исходя из введенного ими понятия «конструкта», стал, таким образом, теоретической основой конструктивизма в теории МО.

«Конструктивисты исходят из того, что идентичность, культурные и религиозные ценности, политические взгляды, политические институты создаются, т.е. конструируются, в зависимости от желания акторов. Или, иначе, фокус социального конструктивизма направлен на сознание и интересы человека, и его место в мире» [Алексеева 2000, с. 9].

По утверждению А. Вендта,

«материальные силы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконституированы в соответствии с определённым смыслом для акторов» [Wendt 1999, p. 24].

Исходя из того, что конструктивисты не стремятся к поиску универсальных законов и обобщений, конструктивизм в принципе не использует один какой-либо метод исследования, который был бы для них универсальным, то их можно отнести к сторонникам «методологического анархизма» [Фейерабенд 2007].

В представленных теориях прослеживается общая тенденция, связанная с повышением роли не только использования инструментов «мягкой силы» в системе международных отношений, но и учёт влияния дискурса на безопасность, которая определяется не только материальными и объективными закономерностями и потребностями, а нормативно-идеалистическими и ценностными факторами.

А.П. Цыганков в рецензии на исследование в области теории международных отношений (ТМО) указывает на то, что «в мире набирают силу процессы регионализации и культурно-цивилизационной идентификации», поэтому именно постпозитивистские теории, в особенности конструктивизм и критическая геополитика, в отличие от других классических ТМО, способны стать фундаментом приращения теоретического знания, «связанного с изучением особенностей национального восприятия, разнонаправленности траекторий национально-исторического развития, своеобразия географического положения и культурного контекста» [Цыганков 2016, с. 208]. Это не значит, что при анализе современной международной ситуации следует пренебрегать классическими ТМО. В этом случае последовательное рассмотрение исследуемого предмета, проблем безопасности в частности, в рамках каждой парадигмы позволяет всесторонне охватить проблематику.

Учёт последних достижений ТМО в отношении проблем безопасности тесно коррелирует с направлением исследований постклассической геополитики, связанным с геочивилизационным подходом к их изучению. И.А. Василенко так раскрывает суть отличия постклассической геополитики от классической теории:

«Если классическая геополитика была основана на сакральных идеях веры, почвы и крови, то постклассическая картина политического пространства поставила вопрос о трансляции этих символов в виртуальное пространство в виде символического капитала национальной культуры» [Василенко 2010, с. 43].

Кроме того, исходя из состояния и понимания проблем безопасности в рамках парадигмы «развития», следует сохранять и развивать ценности, которые относятся к духовно-идеологической сфере культурно-исторических обществ. В случае системы

системы необходимо в первую очередь определить вектор ее развития, направление и долгосрочную цель. Для геочивилизации все эти три параметра определяет идеология.

Идеология как неотъемлемая часть и условие развития геочивилизации.

Терминологические и теоретические основы

В ходе раскрытия содержания понятия «геочивилизации» Н.А. Комлева указывает на то, что таковая имеет помимо общего географического и экономического пространства, пространство информационно-идеологическое, которое характеризуется как «идеологическая система, в её базовых характеристиках единая для всех социумов в рамках данной геочивилизации» [Комлева 2016, с. 19]. В связи с этим полноценное существование и развитие геочивилизации невозможно без обеспечения безопасности её идеологической системы. Представляется, что особую роль в процессе развития информационно-идеологической системы геочивилизации играет идеология.

Последней ещё в классической геополитике придавалось особое значение в организации геополитического пространства, — в частности, благодаря К. Хаусхоферу, разработавшему теорию панрегионалистских идей, объединяющих крупные регионы — основу предполагаемой модели международной системы [Хаусхофер 2001, с. 251–352] — и характерно, что именно к пан-идеям Хаусхофера апеллирует Н.А. Комлева [Комлева 2016, с. 19, 27], выстраивая свою концепцию доминирования геочивилизаций как прямо противоположную современной Realgeopolitik (по аналогии с «деидеологизированной» Realpolitik фон Роху).

В собственно геопропространственном отношении содержание панрегионалистской концепции заключалось в переходе от традиционной широтной стратегии геополитической экспансии к меридиональной: Хаусхофер разработал карту мира, поделив его на меридианы и выделив крупные функциональные регионы вокруг каждого центрального государства. Такой подход был обусловлен изменениями в геополитической структуре того времени и противопоставлялся действующей тогда, но слабеющей модели «метрополия—колония».

Теория панрегионализма рисовала такую глобальную геополитическую структуру, которая выражалась бы в объединении государств в регионы по принципу ядро-периферия, исходя из общности социально-политических и экономических проблем. При этом указанные регионы основывались и скреплялись пан-идеями. Пересматривая несколько раз свою панрегионалистскую модель, К. Хаусхофер выделял трёх- и четырёх-региональное деление мира, где четвёртым регионом была пан-Россия с её сферой влияния в Иране, Афганистане и Индостане. Остальные — пан-Азия во главе с Японией (в последствие он объединил этот регион с пан-Россией), пан-Америка во главе с США, пан-Европа или Еврафрика с ядром в Германии.

Четырёхчастная модель пан-регионов К. Хаусхофера с пан-Россией между Еврафрикой и пан-Азией.
Карта с сайта http://studbooks.net/575992/politologiya/kontseptsiya_chellena

Основатель классической геополитики утверждал в этой связи, что «убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве, становясь реальными явлениями в имеющих мировое политическое значение формах». Из этого следует, что уже классическая геополитика рассматривала идеологии как необходимый фактор реализации, перераспределения и динамики политической власти и силы в пространстве.

Более того, К. Хаусхофер, характеризуя особенности пан-идей, приблизился именно к современному пониманию сущности идеологической системы геочивилизаций. Так, он утверждал:

«...мы признаём "панидеями" только те, которые, — возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, — выступали носителями культурных миссий и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою» [Хаусхофер 2001, с. 256].

Современными отечественными теоретиками геополитики (Василенко И.А., Гаджиев К.С. и др.) выделяются следующие основные пан-идеи, являющиеся формами организации геополитического пространства на современном этапе: пан-Америка и пан-Европа, пан-Евразия, пан-Китай и панисламизм. К ним можно добавить набирающие силу, но ещё не оформившиеся пан-идеи Латинской Америки и Центральной Африки.

Перечисленные пан-региональные идеи не являются единственными, но обладают в настоящее время наиболее жизнестойкими идеологическими формами, способными мобилизовать и консолидировать политические регионы. При детальном изучении региональных идеологий можно, по всей видимости, выделить больше таких пан-идей, но не все из них являются в настоящее время жизнеспособными. Поэтому целесообразно исходить не из их наличия, а из способности современных геочивилизаций или цивилизаций-регионов не просто синтезировать — «производить» — такие пан-идеи, но и имплементировать их в идеологическое пространство, заставляя их «работать» в нём в интересах развития и безопасности «производителей» пан-идей.

Следует отметить, что пан-региональные идеи все же не следует непосредственно отождествлять с идеологиями, поскольку идеи эти являются лишь элементами идеологий цивилизаций-регионов и государств-цивилизаций на определённом историческом этапе развития гецивилизации. Идеологии имеют более сложную, автономную и подвижную структуру, чем отдельные идеи и ментальные концепции, формирующиеся в настоящее время под воздействием процессов регионализации.

В рамках российской школы геополитики идеология гецивилизации может иметь расширенную трактовку. В отличие от западных специалистов, «российские учёные делают акцент на других аспектах предметного поля геополитики: идеологических, духовных, планетарных, что связано с общим направлением исследований в современной русской геополитической школе» [Василенко 2010, с. 11–12].

В связи с этим идеология гецивилизаций может восприниматься в качестве направления и предмета исследований в рамках русской геополитической традиции, направленной на изучение духовных основ геополитики, её связи с национальной идеей и влиянии панрегиональных идей на геополитические процессы.

Как представляется, **идеология гецивилизации — целостная метасистема идеологий, синтезирующая в себе идеологии и субидеологии различных социально-политических общностей в системе гецивилизации и может рассматриваться в качестве процесса взаимодействия идеологий на геополитической карте мира.** Идеология является одной из базовых характеристик гецивилизации; именно идеология определяет характер и содержание информационно-идеологического пространства гецивилизации, качество её ментально-ценностной системы.

Исследование идеологии гецивилизации предполагает такой подход к её пониманию, согласно которому социально-политическая общность, исходя из своих гецивилизационных предпосылок, формирует информационно-идеологическое пространство, приобретающее значение «силового поля» геополитического актора на международной арене. Таким образом, признание существования более одной идеологии гецивилизации (так же, как геокультуры, геэкономки и самой гецивилизации) предполагает отказ от универсального подхода к исследованию этого явления и учёт культурно-исторических особенностей каждой социально-политической общности как уникальной системы со своим цивилизационным кодом, пространством и темпоральностью. Такой подход коррелирует также с позицией, направленной на преодоление западоцентризма, порождённого западной гецивилизацией, претендующей на исключительность и исключительную интерпретацию собственной геополитической практики и идеологическую монополию в глобальном измерении.

Учитывая возможности существования и конфигурации одного и более геополитического центра глобальной системы, а также перспективы доминирования определённой гецивилизации, представляется необходимым рассматривать идеологию гецивилизации в качестве метасистемы идеологий как на глобальном, так на региональном и локальном уровнях. В связи с этим идеология может относиться к локальной социально-политической общности — государству-цивилизации, региональной — цивилизации-региону, которые также претендуют на глобальное доминирование, то есть являются идеологическими проектами в глобальном масштабе. Вместе взятые они интегрируются в идеологическое пространство целостной гецивилизации.

Идеология целостной гецивилизации не претендует на роль «культурно-индифферентной мета-идеологии», как, например, правовая идеология [Клименко 2015], которая ориентирована на Запад и его ментальность, а напротив, — учитывает особенности и различия культурных пространств гецивилизации, обеспечивает их взаимодействие и развитие. В этой связи коммуникативная и идентификационная функции идеологии гецивилизации актуализируются не менее, чем функция легитимации политического порядка.

Отличительными особенностями идеологии целостной гецивилизации от глобальной идеологии содержится в смещении субъекта идеологического процесса на социально-политические общности (государства-цивилизации, империи-цивилизации и регионы-цивилизации) как носителей ментальных ценностей, составляющих единую метасистему гецивилизации. Если глобальная идеология претендует на глобальное лидерство и универсализм, то идеология единой гецивилизации — есть результат синтетического процесса взаимодействия всех входящих в неё социально-политических общностей. Следует отметить, что данный процесс сложно выявить на практике и существует для удобства теоретического обоснования свойства системы и взаимозависимости различных элементов её составляющих.

Современный идеологический процесс в рамках гецивилизации, как нам представляется, есть единство и борьба идеологий социально-политических общностей, определяющих структуру гецивилизации. Находясь в постоянных отношениях борьбы и единства, эти идеологии, взаимодействуя между собой, определяют содержание идеологического процесса на геополитической карте мира.

Теоретико-методологические основы изучения идеологии гецивилизации.

Перцепция её аспектов в современной политической теории

Сущность идеологии гецивилизации как и любого явления — это совокупность взаимодействующих элементов и частей, обуславливающих её существование. Для понимания сущности идеологии гецивилизации следует обратить внимание на разнородность и противоречивость теоретических подходов к исследованию её базовых элементов, к которым относят такие идеологические подсистемы, как пан-идеи, идеи и непосредственно идеологии социальных групп, составляющих единую социально-политическую общность. Идеология или ментальная концепция является подсистемой и элементом метаидеологии гецивилизации, определяется в общем виде в качестве «системы идей, выражающих коренные интересы социальных групп и ориентирующих людей на социальные действия» [Кокорин 2016]. Эти интересы выражают не столько материальные потребности, сколько несут на себе отпечаток влияния базовых ценностей этих общностей, необходимости в реализации экзистенциальных потребностей, глубинных желаний, а также «коллективного бессознательного» или «воображаемого» социально-политических общностей гецивилизации.

Фундаментальные или коренные интересы отличаются от «сиюминутных», исходящих из прагматизма, своей продолжительностью во времени и нацеленностью на долгосрочное событие, а также самим процессом объективации этих идей. Интересы/желания социальных групп формируются стихийно и базируются как на материальных, так и на духовных составляющих их бытия. Политический идеал, формируемый идеологией, всегда аксиологичен и абсолютен. Таким образом, идеология гецивилизации выражает перспективные цели и принципы, т.е. политический идеал характеризуется временной неопределённостью в отличие от внешнеполитической доктрины государства или регионального объединения с чёткой пространственной ориентацией и конкретной временной заданностью.

МАКАРШИН И.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Целеполагательная функция идеологии гецивилизации позволяет ей не «пересекаться» с прагматизмом во внешней политике государства, ориентированной на краткосрочные цели и задачи. В этих условиях прагматизм не «снимает» идеологию, а действует в основном на тактическом уровне и даёт возможность реагировать на внешние изменения. На практике распространён прагматический подход к исследованию идеологии, упускающий такие важные функции идеологии как мировоззренческая и телеологическая. В этой связи идеология зачастую сводится к инструменту психологической войны или отождествляется с ней.

Как правило, правящие элиты ориентированы на прагматизм и удовлетворение конъюнктурных и краткосрочных интересов, подменяя национальные интересы ложными идеологемами или псевдо-идеологемами (симулякрами), легитимизируя свою власть с помощью «фиктивной» идеологии и подстраиваясь под меняющийся контекст международной среды. Это может проявляться в имитации демократических реформ или даже смене элит, что неоднократно было продемонстрировано в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве и «арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В формулировании государственной или национальной идеи главную роль играют интеллектуальная среда и элиты, стремящиеся выразить интересы масс. Тем не менее, их роль не детерминирована исключительно ими, т.к. сами элиты не всегда способны рационально осмыслить чаяния и глубинные желания народа, определить цивилизационный код государства. Помимо этого на практике в этот процесс инкорпорированы чуждые конкретному обществу и государству интересы, принадлежащие олигархическим структурам, внешним акторам и различным организациям, выполняющим роль деструктивных агентов в интересах других государств и организаций.

Другой важной особенностью идеологии гецивилизации является ее одновременно и системный, и метасистемный характер. Так, с одной стороны, обладая способностью системы к самоорганизации и саморегуляции, идеология сочетает в себе разнонаправленные и противоречивые идеи, устанавливает взаимодействие с ними, реагирует на изменения условий среды, сохраняя при этом свои базовые качества. С другой стороны, «метасистема представляет собой единство ... подсистем, составляющих не просто организационно-технологическое многообразие, а новую системную конструкцию, обеспечивающую сочетание определенной самостоятельности множества центров принятия решений», причём существенным отличием метасистемы от системы является то, что 1) «элементы структурированной системы обязательно взаимосвязаны, в то время как элементы метасистемы в большой степени самостоятельны и связаны друг с другом только процедурой замены», 2) если «во время функционирования структурированной системы все элементы в той или иной степени вовлечены в этот процесс», то в случае метасистемы «функционируют только выбранные элементы, а остальные некоторое время “простаивают”» [Манохина 2014, с. 7, 8]. Понимание метасистемности идеологии гецивилизации представляется особенно существенным в случае, если гецивилизация включает несколько государств. Данные качества системы и метасистемы свидетельствуют в пользу относительной автономности системы идеологий и структурную многомерность в процессе их формирования.

Эклектичность и «живучесть» идеологии есть следствие её особенности, которая заключается в неоднозначности идеологического языка, способного выражать различные и взаимоисключающие утверждения исходя из ситуации и типа аудитории, так как ориентирована на социальное действие.

«Ибо багаж идеологии упакован в такую языковую оболочку, которая маскирует антиномии, согласуя их на чисто семантическом уровне» [Эпштейн 1988].

Идеология гецивилизации одновременно противоречива и последовательна:

«Для успешной идеологии важно противоречие внутри её особенного содержания между темами и мотивами, которые принадлежат “угнетённым”, и теми, что принадлежат «угнетателям»: правящие идеи опережают идеи самого правящего класса» [Жижек 2002].

В качестве примера сочетания противоречивых политических идей в одной идеологической системе можно привести Исламскую Республику Иран, сочетающую в себе принципы фундаменталистской идеологии шиизма и отрицающая конституционно-либеральное движение и западничество, соединяет теократическое государство с понятием «республика». В современной секуляризованной Турции (принцип лаицизма — светский характер государства и отделение государства от ислама — был введён К. Ататюрком) функционируют разнонаправленные идеологии, кемализм соседствует с исламом, тюркизм, пантюркизм, неоосманизм и различные форы крайнего национализма — либерализмом.

В то же время такая поливариантность идеологий и идеологов может остаться метасистемным признаком идеологии гецивилизации, а не фактором её разрушения только в случае эффективного политического управления, при котором функционирование политической системы (принятие решений и механизм их реализации в политическом пространстве) позволяет эффективно «канализировать» как трансформацию отдельных элементов (векторов) идеологий, так и мобилизацию общества, вызванную ими — или традиционными идеологическими установками. Наиболее ярким примером одновременного кризиса и идеологии гецивилизации, и политической системы являются события «арабской весны», когда политическая система оказалась буквально взорванной трансформацией ближневосточных идеологий под воздействием одновременного давления «западных ценностей» и «фундаментального ислама».

Таким образом, манёвренность и актуализация идеологии гецивилизации есть следствия её способности приращивать любой противоречивый идейный материал, сохраняя цельность и расширяя «социальное воображаемое».

«Как видно из взаимодействия идеологии с наукой или моралью, ядро идеологического замысла обладает широкой способностью к абсорбции духовных ценностей, в том числе и антагонистических по отношению к этому ядру» [Гальцева, Роднянская 2012].

Дополнительным элементом идеологии гецивилизации стоит считать её выражение через дискурсивные практики, «ориентирующих людей на определенные практические действия» [Кокорин 2009], т.е. практическую реализацию интересов и идеалов социальных групп, составляющих гецивилизацию.

В настоящее время можно констатировать о пересмотре отношения к идеологии как к «ложному сознанию» (марксистский подход) рядом исследователей, обосновавших неустрашимость идеологии, смещая внимание на целеполагательную, мировоззренческую и преобразующую функции. Вместе с тем идеология приобрела расширенную трактовку и более объективный характер. Вполне оправданное «недоверие к метанарративам» [Лиотар 1998] не устраняет идеологию, а подводит к необходимо-

МАКАРШИН И.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

сти исследования структуры современных идеологий вследствие глобальных изменений в духовно-идеологическом измерении гецивилизации. В ходе последних трансформаций, связанных с постмодернистским подходом к изучению культуры, структура идеологий приобрела сложный многоуровневый характер. Таким образом, современные идеологии в рамках идеологического процесса имеют эклектичную и взаимопересекающуюся структуру, состоящую из сети идеологических концептов различных культурных паттернов цивилизационной идентичности.

Современные идеологии могут рассматриваться как «продукты» эпохи Постмодерна. В постмодернистской эпохе идеологии эклектичны и представляют собой сочетание различных и противоречивых «осколков» идеологии Модерна, активно приспосабливающихся к современным реалиям. Другим отличительным признаком современных теорий и подходов к изучению идеологии становится повышение внимание к роли «коллективного бессознательного» в их формировании.

Принимая во внимание это положение, можно утверждать о наличии двух «уровней» идеологии: эмоционально-аффективный и рационально-рефлексивный. Такое структурное сходство с идеологией можно заметить в современной политической мифологии, часто отождествляемой с идеологией современными авторами.

«Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую», — утверждает Леви-Стросс [*Леви-Стросс 2001, с. 217*].

Современный политический миф — та же идеологическая система, но с доминированием иррационального начала над рациональным. Некогда целостная система традиционной мифологии, распадаясь и рационализируясь, продолжает существовать в виде символов и образов во всех сферах культуры. Кроме того, современный миф, сохраняющий элементы традиционной мифологии, не требует рациональной оценки и анализа. В условиях повышения роли СМИ и массовой культуры в формировании общественного сознания политика и идеология вбирают в себя мифологические черты. Более того, политическая идеология, содержащая представления об идеальном обществе и выполняющая функцию целеполагания, не может обойтись без мифа. Французский философ Р. Барт видел в мифах важный инструмент политической демагогии:

«...всякая семиологическая система есть система ценностей, потребитель же мифов принимает их значение как систему фактов...» [*Барт 2000, с. 96*].

Об использовании мифа в идеологическом процессе говорит и отечественный исследователь Е.Я. Режабек:

«Направить обыденное сознание массового человека в нужное власть имущим русло — вот главная задача мифотворчества как в XX в., так и в наши дни» [*Режабек 2003, с. 235*].

Из этого следует вывод, что исследовать идеологию гецивилизации необходимо через мифы, религию, символы, знаки, затрагивающие эмоциональные структуры человеческой психики и составляющие архетипы бессознательного. Славой Жижек предлагает сосредоточиться на критике идеологий, выявляя в них «подтекст» психоаналитическими методами. Идеология как продукт воображения направлена на активность воображения масс. В этой связи идеология становится частью «образа мира» или его симуляцией. Концепция «образа мира» или «картины мира» как «сущее в целом» была разработана ещё М. Хайдеггером, относившим этот феномен к возникновению субъект-объектных отношений в западном мире как атрибутной черты эпохи Модерна.

Отказ от «тотальных идеологий» [*Мангейм 1994*], инициированный постмодернистским скептицизмом к утопии «рационального мышления» Просвещения, состоялся в период перехода к теоретико-методологической парадигме постпозитивизма. При этом остаются тщетными попытки в русле позитивистской аналитической философии рационально-критическими методами освободить идеологию от утопии, исходя из иллюзии «деидеологизации низов», также как радикальных постмодернистских теорий, которые видят в идеологии единственный способ восприятия реальности, а также неправомерно отождествляют её с религиозным и мифологическим сознанием (хотя сходства и аналогии, несомненно, имеют место быть). Большинство радикальных постпозитивистских подходов [*Reus-Smith, Snidal 2008*] преувеличивают субъективную роль говорящего и исследователя, полностью сводя реальность или науку к идеологии. Учитывая разные подходы в рамках и позитивизма, и постпозитивизма идеологию как элемент и подсистему идеологии можно рассматривать в качестве явления, проявляющегося на двух уровнях: эмоционально-аффективном и рационально-рефлексивном. Очевидно, в современных научных исследованиях в области идеологии и международной политики всё большее внимание уделяется цивилизационным аспектам.

Гецивилизационный подход к исследованию проблем безопасности и идеологии позволяет интегрировать различные теории и дисциплины на основе междисциплинарного комплекса, использует историко-социологический, филолого-лингвистический, геополитический, социально-психологический и другие подходы, объединенные одним предметом исследования.

Многие современные теории в рамках постпозитивизма не смогли предложить конкретные решения существующих проблем безопасности, которые они выявили в позитивизме, а постмодернизм и вовсе не видит перспектив развития для политической теории. Тем не менее, дискуссия по проблемам безопасности имеет конструктивный характер. В этой связи более разумный выход из «методологического лабиринта» представляется в применении гегелевского «отрицания отрицания», при котором процесс развития понимается как разрешение внутренних противоречий за счёт их снятия (диалектическим отрицанием). Без отрицания старого невозможно рождение и созревание нового, а, следовательно, невозможен процесс развития. В связи с этим противоречие позитивистских («тезис») и постпозитивистских («антитезис») теорий является необходимым условием развития методологии науки и появления нового знания («синтез»). Исходя из этого, необходимым представляется сосредоточиться на выявлении релевантных идей и подходов как классических, так и современных теорий с учётом имеющейся критики для конструирования более гибких и отвечающих современным реалиям теоретических подходов.

В качестве перспективы на этом направлении может развиваться гецивилизационный подход в рамках современной геополитики, учитывающий междисциплинарный комплекс. Его также можно рассматривать в качестве комплексного подхода к изучению проблем безопасности и идеологии. Он направлен на преодоление дивергенции школ, направлений, теорий и дисциплин, привязанных к определённым методикам исследований, не способным выйти за их «теоретические рамки», а также неприятие иных теоретико-методологических подходов.

Эволюция методологии науки выявила зависимость познавательных процедур от социально-культурного компонента и личностного фактора (Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, М. Поланьи). Выводом критики позитивистской модели науки стало

МАКАРШИН И.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

признание отсутствия единой критериальной рамки или метода при решении исследовательских проблем. В рамках плюрального подхода возможно интегрирование результатов исследований на других направлениях.

Плюрализм теорий в «эпоху синтеза» означает усиление внимания к проблемам идентичности, социально-культурным аспектам проблем безопасности и идеологии в частности. Дебаты на этом направлении между сторонниками позитивистских и постпозитивистских методологий внесли вклад в развитие исследований, среди которого остаётся попытка преодоления постпозитивизмом «западноцентризма» в общественно-политических науках, а также внимание к социокультурному фактору. Развитие методологии в этом ключе определяет методику исследований по вопросам безопасности и необходимости сохранения и развития социокультурного компонента гецивилизации.

Идеология как неотъемлемый элемент обеспечения безопасности и развития гецивилизации

Острой проблемой в области государственной, региональной и международной безопасности остаётся отсутствие «связи» государства и общества, что ведёт к фрагментации современных как региональных, так и государственных систем, разобщенности и утрате идентичности.

Идеология включает в себе огромный интеграционный потенциал, способный компенсировать дезориентированность обществ и государств в современной международной среде попытками создания новых форм региональной интеграции на основе цивилизационной идентичности. Более того, по утверждению Дж. Ная, «общество должно защищать и продвигать свои ценности за рубежом или оно растворится» [Най 2006]. Идеологические аспекты развития гецивилизации актуализируют глобальные процессы, которые в свою очередь запускают механизм регионализации.

В современную информационную эпоху взаимодействие пан-идей — идеи-концепции, охватывающие народы и государства, объединёнными общими целями и культурой, становится условием организации мирового геополитического пространства — гецивилизации. Указанные пан-идеи являются базовыми элементами содержания идеологии цивилизации — региона.

Несмотря на то, что носителями идеологий гецивилизации являются общности людей и целые цивилизации, на макроуровне идеологии генерируются не просто народами и социальными группами, а конкретными людьми и их творческой энергией. Именно творческий потенциал цивилизаций и народов их составляющих обеспечивает жизнеспособность конкретной гецивилизации и её идеологическую составляющую.

Итак, можно утверждать о целесообразности изучения идеологического аспекта гецивилизационной безопасности, который направлен на создание благоприятных условий для развития системы идей, ментальных ценностей, концепций, установок, верований, отражающих коренные интересы и экзистенциальные потребности различных социально-политических общностей, определяющих их идентификацию в системе гецивилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Ключевой особенностью содержания идеологического аспекта гецивилизационной безопасности является рефлексия идеологического процесса гецивилизации — идеологического взаимодействия социально-политических общностей, объединённых традиционной культурой, религиями, социальной структурой, ценностными установками и составляющих вместе единство целого. При этом культура является фундаментальной составляющей этого концепта, а идеология коллективной общности базируется на ней, являясь культурным феноменом. Таким образом, социокультурный фактор становится основополагающим элементом безопасности различных подсистем гецивилизации.

Исходя из существующих подходов к изучению идеологических аспектов гецивилизационной безопасности, можно назвать следующие положения, отражающие их суть:

- гецивилизационная безопасность имеет духовно-идеологическое основание, которое является важным элементом духовной и материальной культуры социально-политических общностей;
- гецивилизационная безопасность направлена также на обеспечение устойчивого развития идеологии,
- идеологии гецивилизаций играют определяющую роль в формировании системы идей социально-политических сил и правящих элит, которые формулируют систему международной и региональной безопасности, а также стратегии обеспечения безопасности личности, общества и государства,
- идеология гецивилизации на локальном и региональном уровне по-своему интерпретирует и конституирует проблемы безопасности в зависимости от принадлежности к определённому социально-культурному пространству. Зачастую научное сообщество внутри конкретной социальной общности доктрину внешней политики считает «узаконенной» научной теорией, а за пределами её воспринимается другими в качестве идеологии, обосновывающей легитимизацию правящего режима,
- идеология гецивилизации может оказывать как деструктивное, так и конструктивное воздействие на систему гецивилизационной безопасности в зависимости от способности гецивилизации реализовать свой творческий потенциал,
- идеология гецивилизации, а также составляющие её ментальные подсистемы имеют два уровня: эмоционально-аффективный и рационально-рефлексивный, проявляются через дискурс и имеют геополитическое значение в качестве информационно-идеологического «силового поля» актора международной политики,
- идеология гецивилизации призвана ориентировать социально-политические общности на долгосрочные цели, задавая вектор их развития и мотивируя их на политические действия,
- идеологический аспект гецивилизационной безопасности направлен на сохранение и развитие системы идей, ценностей, концепций, установок, верований, отражающих коренные интересы различных культурно-исторических общностей, определяющих их самоидентификацию и отношения в системе гецивилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях.

С учётом современного содержания проблем безопасности можно утверждать, что идеология является базовым аспектом гецивилизационной безопасности, проявляющимся на двух взаимосвязанных уровнях: «фундаментальном» и «производном».

Первый уровень характеризуется непрямым воздействием в идеальной сфере культуры, языка, религии, ценностной системы, традиции, идентичности цивилизации. Этот уровень формирования угроз определяет характер и направленность второго. Более того, он определяет саму постановку проблемы безопасности и подходы к решению их, понимание системы без-

опасности и коренных интересов социальных общностей. Он также является той сферой безопасности, которая составляет необходимую среду для развития общества и проявления творческого потенциала человека. Исследование проблем безопасности на этом уровне позволяет решать стратегические задачи развития государства, обеспечивая гецивилизационные ориентиры его развития в глобальном масштабе на долгосрочную перспективу.

Второй уровень формирования угроз безопасности проявляется непосредственно в материальной и практической деятельности, последствиях трансформирования социальной среды (под влиянием идеологии), угрожающей существованию личности, общества и государства. Он формируется на базе фундаментальных ценностей и гецивилизационных факторах первого уровня. К производным от него угрозам безопасности можно отнести деструктивную деятельность преступных, экстремистских и террористических организаций, НПО и специальных служб, государств, СМИ, использование инструментов «мягкой силы», а также применение военных средств («жёсткой силы»). Эта область исследования помогает выработать конкретные тактические защитные меры для отражения существующих угроз, обеспечить механизмы государственной безопасности. Этот уровень в свою очередь имеет обратную связь, оказывая ответное влияние на первый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистки: открывая многоголосый мир // Международные процессы. Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–21.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
3. Василенко И.А. Геополитика современного мира: Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2010.
4. Васкес Дж. Постпозитивистское течение: реконструирование научного подхода и теории международных отношений в эпоху критики классического // Теория международных отношений на рубеже столетий. М.: Гардарики, 2002. С. 226–250.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избранные философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 22–164.
6. Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М.: Посев, 2012.
7. Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Изд-во Московского университета, 2010.
8. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2002.
9. Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). М.: Изд-во МГОУ, 2009.
10. Кокорин А.А. Функции идеологии [Электронный ресурс] // Политобразование. Информационно-аналитический журнал. 2016. 29 окт. Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/funkcii-ideologii>.
11. Комлева Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 15–23.
12. Комлева Н.А. Феномен смены доминирующей гецивилизации: сущность и специфика. Часть 2 // Пространство и Время. 2017. № 1(27). С. 17–33.
13. Феномен смены доминирующей гецивилизации: сущность и специфика. Часть 2
14. Косолапов Н.А. Национальная безопасность в меняющемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 10. С. 5–19.
15. Клименко А.И. Система сущностных и природных функций правовой идеологии // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 24–31.
16. Леви-Стросс Клод. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
17. Лингвополитика в мировом интеллектуальном пространстве. XXI век: Перекрёстки мировой политики / Отв. Ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна (1979). М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетея, 1998.
19. Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 7–276.
20. Манохина Н.В. Метасистема как объект институционального анализа // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 1 (14). С. 7–16.
21. Морен Э. Метод. Природа Природы М.: Прогресс-Традиция, 2005.
22. Вишневский А.Г., Кара-Мурза А.А., Лосев А.В., Малашенко А.В., Межуев Б.В., Миллер А.И., Ремизов М.В., Рыжков В.А., Хайретдинов Д.З., Ярлыкапов А.А., Лукьянов Ф.А. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. Т. XV. № 1. С. 195–205.
23. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.
24. Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003.
25. Современные теории международных отношений / Под ред. В.Н. Коньшева, А.А. Сергунина. М.: РГ-Пресс, 2013.
26. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в геополитике // Геополитика и безопасность. 2010. № 4. С. 33–36.
27. Теория международных отношений: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2015.
28. Цыганков А.П. Теория международных отношений глазами российского реализма // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. №1. С. 208–213.
29. Бордачёв Т.В., Зиновьева Е.С., Лихачёва А.Б. Теория международных отношений в XXI веке: Учебник. М.: Международные отношения, 2015.
30. Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007.
31. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.

32. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
33. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
34. Ходаковский Е.А. Глобализация как фактор кризиса и безопасности государства // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика – 2001. Т. 3. М.: Институт проблем управления РАН, 2002. С. 82–89.
35. Ходаковский Е.А. Геоцивилизационная модель развития и безопасности России // Пространство и Время. 2016. № 1–2(23–24). С. 15–26.
36. Ходаковский Е.А. Россия в глобальном противостоянии Запада и Востока. СПб.: Наука, 2007.
37. Эпштейн М.Н. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX века / Отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 167–214.
38. Buzan B., Waever O., Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998.
39. Clough P.T. *Feminist Thought*. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
40. Cox R., Jacobson H.K. *The Anatomy of Influence: Decision Making in International Organization*. New Haven and London: Yale University Press, 1973
41. Cox R., Schechter M. *The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization*. London and New York: Routledge, 2002.
42. Devetak R. "Postmodernism." *Theories of International Relations*. Eds. S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak, M. Paterson, C.Reus-Smit, and J. True. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 84–109.
43. "John Ruggie. Professor of International Affairs." *Harvard Kennedy School*. Harvard Kennedy School, n.d. Web. <<https://sites.hks.harvard.edu/m-rcbg/johnruggie/index.html>>.
44. Reus-Smith Ch., Snidal D. *International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
45. Hobden S., Hobson J.M., eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.
46. Galtung J.A. "Structural Theory of Aggression." *Journal of Peace Research* 6.3 (1969): 167–191.
47. Galtung J. *Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research*. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975, volume 1. 103–104.
48. Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1967.
49. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Макаршин, И. А. Идеологические аспекты геоцивилизационной безопасности [Электронный ресурс] / И.А. Макаршин // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2018. — Т. 16. — Вып. 1–2. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast16-1_2.2018.23. DOI 10.24411/2227-9490-2018-11023.

THE IDEOLOGICAL ASPECTS OF GEOCIVILIZATIONAL SECURITY

Ivan A. Makarshin, M.Hum. (Political Sciences), Center for Language and Culture of Portuguese-Speaking Countries, Moscow

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-9981-2129>

E-mail: ivan-a-makarshin@j-spacetime.com; druzendos@yandex.ru

Globalization stimulates progress of social-political communities, intensifies their communications and problems of identity, appearance of new security threats of geocivilizational development. The geocivilization means metasystem, which unites social-political communities and contains common intellectual and material values, makes it possible to synthesize cultural spaces on the geopolitical map of the world. The geocivilizational space transcends the concept of national states and contains geographical, economic and information-ideological components.

The subject matter of my study is phenomenon of ideology influence on the security in the context of the geocivilization approach. Such approach integrates various theories of international relations and geopolitics on the platform of interdisciplinary complex. For my research purposes, I also use a systematic approach and problem analysis.

On the basis of the above it offers studies of the problems of geoideological security on the local, regional and global levels. The research in this area focuses on methodological aspects of positivism and postpositivism.

Ideology of geocivilization contains integration potential and can be used for creation new forms of regional integration on basis of civilizational identity and balance the confusion of society and state in the modern international environment. Ideology is targeted on expressing guidelines and long-term objectives of geocivilizational progress and security. There are affective and rational levels of geocivilizational ideology. Support of ideological aspects of geocivilizational security aimed at maintenance and progress of idea systems, values, conceptions, beliefs, which is reflected by vital interests of varies cultural historical societies.

I conclude about meta-system nature of geocivilizational ideology, as well as about the need for the conjugate functioning of geocivilizational and political ideologies, on the one hand, and political system, on the other, to ensure geocivilizational and state security. Only such a joint effective functioning ensures adequate 'canalizing' of social mobilization rised under the influence of heterogeneous ideologies circulating within the meta-system of geocivilization ideology.

Keywords: geocivilization; ideology; geocivilizational approach; geocivilizational security; theories of international relations; positivism; post-positivism.

References:

1. Abylgazieva I.I., Ilyina I.V., Kefeli I.F., eds. *Global Geopolitics*. Moscow: Moscow University Publisher, 2010. (In Russian).
2. Alekseeva T.A. "Think Constructivists: Opening Up a Many-voiced World." *International Processes. Comparative Politics* 1 (2014): 4–21. (In Russian).
3. Barthes R. *Mythologies*. Moscow: Sabashnikovs Publisher, 2000. (In Russian).
4. Bordachev T.V., Zinoviev E.S., Likhacheva A.B. *Theory of International Relations in the 21st Century*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publisher, 2015. (In Russian)
5. Buzan B., Waever O., Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998.
6. Clough P.T. *Feminist Thought*. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
7. Cox R., Jacobson H.K. *The Anatomy of Influence: Decision Making in International Organization*. New Haven and London: Yale University Press, 1973
8. Cox R., Schechter M. *The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization*. London and New York: Routledge, 2002.
9. Devetak R. "Postmodernism." *Theories of International Relations*. Eds. S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak, M. Paterson, C.Reus-Smit, and J. True. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 84–109.
10. Epshtein M.N. "Ways of Influencing Ideological Statements." *Image of Tenty-century Man*. Ed. R.A. Galtseva. Moscow: Institute of Scientific Information in Social Sciences of the USSR Academy of Sciences Publisher, 1988. 167–214. (In Russian).
11. Feyerabend P. *Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge*. Moscow: AST Publisher, 2007. (In Russian).
12. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: Progress Publisher, 1990. (In Russian).
13. Galtseva R., Rodnyanskaya I. *Summa Ideologiae: The Triumph of "False Consciousness" in Modern Times. Critical-Analytical Review of Western Thought in the Light of World Events*. Moscow: Posev Publisher, 2012. (In Russian)
14. Galtung J. *Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research*. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975, volume 1.
15. Galtung J.A. "Structural Theory of Aggression." *Journal of Peace Research* 6.3 (1969): 167–191.
16. Haushofer K. *On Geopolitics*. Moscow: Mysl Publisher, 2001. (In Russian).
17. Hobden S., Hobson J.M., eds. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.
18. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST Publisher, 2003. (In Russian).
19. "John Ruggie. Professor of International Affairs." *Harvard Kennedy School*. Harvard Kennedy School, n.d. Web. <<https://sites.hks.harvard.edu/m-rcbg/johnruggie/index.html>>.
20. Khodakovskiy E.A. "Globalization as a Factor of Crisis and State Security." *Analysis of Systems at the Turn of the Millennium: Theory and Practice – 2001*. Moscow: RAS Institute of Control Sciences Publisher, 2002, volume 3. 82-89. (In Russian).
21. Khodakovskiy E.A. "The Geo-Civilizational Model for Russia's Development and Security." *Space and Time* 1/2 (2016): 15–26. (In Russian).
22. Khodakovskiy E.A. *Russia in Global Confrontation between West and East*. St. Petersburg: Nauka Publisher, 2007. (In Russian).
23. Klimenko A.I. "The System of Essential and Natural Functions of Legal Ideology." *Space and Time* 3 (2015): 24–31. (In Russian).
24. Kokorin A.A. "Functions of Ideology." *Political Education. Informational and Analytical Journal*. 29 Oct. 2016. Web. <<http://lawinrussia.ru/content/funkcii-ideologii>>. (In Russian).
25. Kokorin A.A. *The Ideology: Theory, Methodology, Method*. Moscow: Moscow State Regional University Publisher, 2009. (In Russian).
26. Komleva N.A. "Consciential War: The Global Trends of Global Confrontation." *Space and Time* 3 (2015): 15–23. (In Russian).
27. Komleva N.A. "The Phenomenon of a Dominant Geocivilization Change: Its Essence and Specifics. Part 1." *Space and Time* 3/4 (2016): 17–29. (In Russian).
28. Komleva N.A. "The Phenomenon of a Dominant Geocivilization Change: Its Essence and Specifics. Part 2." *Space and Time* 1 (2017): 17–33. (In Russian).
29. Konysheva V.N., Sergunina A.A., eds. *Modern Theories of International Relations*. Moscow: RG-Press Publisher, 2013. (In Russian).
30. Kosolapov N.A. "National Security in Changing World." *World Economics and International Relations* 10 (1992): 5–19. (In Russian).
31. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. Moscow: Eksmo-Press Publisher, 2001. (In Russian).
32. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition*. Moscow and St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology Publisher, Al-etya Publisher, 1998. (In Russian).
33. Mannheim K. "Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge." *Diagnosis of Our Time: Wartime Essays of a Sociologist*. Moscow: Yurist Publisher, 1994. 7–276. (In Russian).
34. Manokhina N.V. "The Meta-system as the Object of Institutional Analysis." *Bulletin of International Institute of Economics and Law* 1 (2014): 7–16. (In Russian).
35. Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1967.
36. Morin E. *Method. Towards a Study of Humankind. Volume 1: The Nature of Nature*. Moscow: Progress-Traditsiya Publisher, 2005. (In Russian).
37. Neymark M.A., ed. *Linguistic Policy in Worlds Intellectual Space. XXI Century: Crossroads of World Politics*. Moscow: Kannon+ Publisher, Reabilitatsiya Publisher, 2014. (In Russian).
38. Nye J.S. Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. Moscow: Trend Publisher, 2006. (In Russian).
39. Reus-Smith Ch., Snidal D. *International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
40. Rezhabek E.Ya. *Myth-thinking (Cognitive Analysis)*. Moscow: Editorial URSS Publisher, 2003. (In Russian).

МАКАРШИН И.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

41. Sukharev A.V. "Ethnofunctional Paradigm in Geopolitics." *Geopolitics and Security* 4 (2010): 33 – 36. (In Russian).
42. Tsygankov A.P. "Theory of International Relations through the Eyes of Russian Realism." *Russia in Global Politics* 14.1 (2016): 208 – 213. (In Russian)
43. Tsygankov P.A., ed. *Handbook in Theory of International Relations*. Moscow: Yurayt Publisher, 2015. (In Russian).
44. Vasilenko I.A.. *Geopolitics of the Modern World*. Moscow: Yurayt Publisher, 2010. (In Russian).
45. Vasquez J.A. "The Post-Positivist Debate: Reconstructing Scientific." *Theory of International Relations on the Millennium*. Moscow: Gardarika Publisher, 2002. 226 – 250. (In Russian).
46. Vishnevsky A.G., Kara-Murza A.A., Losev A.V., Malashenko A.V., Mezhuev B.V., Miller A.I., Remizov M.V., Ryzhkov V.A., Khayretdinov D.Z., Yarlykapov A.A., Lukyanov F.A. "Between the Empire and the Nation." *Russia in Global Politics* 15.1 (2017): 195 – 205. (In Russian).
47. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
48. Wittgenstein L. "Logical-philosophical Treatiseю" *Selected Philosophical Works*. Moscow: Gnosis Publisher, 1994, part 1. 22 – 164. (In Russian).
49. Žižek S. *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. Moscow: Delo Publisher, 2002. (In Russian).

Cite MLA 7:

Makarshin, I. A. "The Ideological Aspects of Geocivilizational Security." *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 16.1–2 (2018). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast16-1_2.2018.23>. DOI 10.24411/2227-9490-2018-11023. (In Russian).